

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 4

2026

ZAMONAVIY RUS TILIDA RAQAMLI NEOLOGIYA VA SO‘Z YASALISH MOSLASHUVI: O‘ZBEK TILI BILAN QIYOSIY TAHLIL

Xoshimova Madinabonu Xakimjon qizi
Andijon davlat chet tillari instituti, o‘qituvchi

Annotatsiya

Mazkur maqolada zamonaviy rus tilining raqamli kommunikatsiya sharoitidagi so‘z yasaliş dinamikasi o‘zbek tili bilan qiyosiy aspektda tahlil qilinadi. Tadqiqotning dolzarbligi shundaki, raqamli muhit nafaqat lug‘at tarkibining yangilanishini tezlashtiradi, balki derivatsiya mexanizmlarining o‘zini ham o‘zgartirib, gibrid, o‘zlashma, analitik va grafik jihatdan belgilangan birliklarning mahsuldorligini oshiradi. Ishning maqsadi rus tilidagi raqamli kommunikatsiyada yetakchi so‘z yasaliş tendensiyalarini aniqlash hamda ularni o‘zbek tili bilan qiyoslash asosida tipologik o‘xshashlik va farqlarni belgilashdan iborat. Tadqiqotning nazariy asosini rus tilida so‘z yasaliş, leksikologiya, zamonaviy nutqdagi faol jarayonlar bo‘yicha ilmiy ishlar, shuningdek, o‘zbek terminologiyasi va raqamli leksikaga oid tadqiqotlar tashkil etadi. E‘tibor markazida affiksatsiya, prefiks-suffiksli, gibrid, analitik va kalkalash modellari, shuningdek, inglizcha o‘zlashmalarning morfologik moslashuv jarayonlari turadi. Ko‘rsatiladiki, rus tilida raqamli kommunikatsiya o‘zlashgan asoslarning tezkor ravishda so‘z yasaliş uyalariga kirib borishini faollashtiradi, o‘zbek tilida esa analitik konstruksiyalar, o‘zlashma asoslarning yordamchi fe‘llar va affikslar bilan birikishi, shuningdek, o‘zlashma va milliy ekvivalentlarning parallel mavjudligi ko‘proq kuzatiladi. Xulosa qilinishicha, rus va o‘zbek tillari o‘rtasidagi farqlar nafaqat ularning morfologik tuzilishining tipologik xususiyatlari, balki raqamli leksikaning institutsional kodifikatsiya darajasi, til siyosati xususiyatlari va yangi birliklarning muomalaga kirish kanallari bilan ham belgilanadi.

Kalit so‘zlar: raqamli kommunikatsiya, so‘z yasaliş, neologizatsiya, internet diskursi, rus leksikasi, o‘zbek leksikasi, anglizmlar, gibrid birliklar, kalkalash, terminologiya.

ЦИФРОВАЯ НЕОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКОМ

Хошимова Мадинабону Хакимжон кизи

Андижанский государственный институт иностранных языков, преподаватель

Аннотация

В статье рассматривается словообразовательная динамика современного русского языка в условиях цифровой коммуникации в сопоставлении с узбекским языком. Актуальность исследования определяется тем, что цифровая среда не только ускоряет обновление словаря, но и меняет сами механизмы деривации, повышая продуктивность гибридных, заимствованных, аналитических и графически маркированных образований. Цель работы состоит в выявлении ведущих словообразовательных тенденций в русскоязычной цифровой коммуникации и в установлении типологических сходств и различий при сопоставлении с узбекским языком. В качестве теоретической базы используются труды по русскому словообразованию, лексикологии, активным процессам современной речи, а также исследования по узбекской терминологии и цифровой лексике. В центре внимания находятся аффиксальные, префиксально-суффиксальные, гибридные, аналитические и калькирующие модели, а также процессы морфологической адаптации англицизмов. Показано, что в русском языке цифровая коммуникация активизирует

быстрое включение заимствованной основы в словообразовательное гнездо, тогда как в узбекском языке более заметны аналитические конструкции, сочетание заимствованной базы с вспомогательными глаголами и аффиксами, а также параллельное сосуществование заимствования и национального эквивалента. Делается вывод о том, что различия между русским и узбекским языками обусловлены не только типологией их морфологического строя, но и разной степенью институциональной кодификации цифровой лексики, особенностями языковой политики и каналами вхождения новых единиц в употребление.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, словообразование, неологизация, интернет-дискурс, русская лексика, узбекская лексика, англицизмы, гибридные образования, калькирование, терминология.

DIGITAL NEOLOGY AND WORD-FORMATION ADAPTATION IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: A COMPARATIVE ANALYSIS WITH THE UZBEK LANGUAGE

Khoshimova Madinabonu Khakimjon qizi

Andijan State Institute of Foreign Languages, Teacher

Abstract

The article examines the word-formation dynamics of the modern Russian language in the context of digital communication in comparison with the Uzbek language. The relevance of the study is обусловлена тем, что цифровая среда not only accelerates the renewal of the lexical system but also transforms the mechanisms of derivation themselves, increasing the productivity of hybrid, borrowed, analytical, and graphically marked formations. The aim of the study is to identify the leading word-formation trends in Russian-language digital communication and to establish typological similarities and differences in comparison with the Uzbek language. The theoretical framework is based on works in Russian word formation, lexicology, and active processes in contemporary speech, as well as studies on Uzbek terminology and digital vocabulary. The focus is on affixal, prefixal-suffixal, hybrid, analytical, and calquing models, as well as on the processes of morphological adaptation of Anglicisms. It is shown that in Russian, digital communication facilitates the rapid integration of borrowed stems into word-formation nests, whereas in Uzbek more prominent are analytical constructions, combinations of borrowed bases with auxiliary verbs and affixes, as well as the parallel coexistence of borrowings and their native equivalents. The study concludes that the differences between Russian and Uzbek are determined not only by the typology of their morphological systems but also by the varying degree of institutional codification of digital vocabulary, the specifics of language policy, and the channels through which new units enter usage.

Keywords: digital communication, word formation, neologization, internet discourse, Russian lexicon, Uzbek lexicon, Anglicisms, hybrid formations, calquing, terminology.

Современная цифровая коммуникация радикально изменила не только скорость речевого обмена, но и характер языкового развития. Если в предцифровую эпоху закрепление новой единицы зависело главным образом от печатной сферы, институциональной нормы и длительного периода общественного употребления, то в условиях социальных сетей, мессенджеров, стриминговых платформ и пользовательских медиа слово может пройти путь от окказионализма до широко узнаваемой единицы за очень короткое время. Для словообразования это означает переход к режиму ускоренной апробации моделей, при котором конкурентные типы номинации — заимствование, калька, гибрид, графическая модификация, аффиксальное расширение и аналитическая конструкция — сосуществуют в одной и той же коммуникативной нише. Именно поэтому

цифровая среда должна рассматриваться не как внешняя «область употребления» уже готового языка, а как особое пространство порождения новых слов, форм и деривационных отношений [1, с. 252–253].

Теоретически данная проблема находится на пересечении дериватологии, неологии, социолингвистики и медиалингвистики. Для русского языка особенно значимы положения о словообразовании как активной зоне языковой системы, где деривационная модель проявляет свою продуктивность в тесной связи с коммуникативным заказом общества [1, с. 255–256]. Не менее важны наблюдения над активными процессами в современном языке, включая рост экспрессивности, разговорности, аналитизма, тенденцию к компрессии и расширение сферы заимствований [2, с. 399–401]. В случае узбекского языка сопоставительный аспект требует учитывать агглютинативный характер его строя, роль терминологической политики, взаимодействие собственных ресурсов языка с интернациональной и русскоязычной лексикой, а также влияние цифровизации на обновление терминологических подсистем [8, с. 12–16]. Исследовательский интерес в данном случае направлен не только на перечень новых слов, но и на механизмы их включения в систему: как именно слово осваивается, какие аффиксы принимает, образует ли словообразовательное гнездо, входит ли в синтаксически устойчивые модели и какова его дальнейшая судьба в литературной норме.

Русскоязычная цифровая коммуникация демонстрирует чрезвычайно высокую продуктивность вторичной деривации на базе англоязычных заимствований. Базовые единицы типа *лайк, пост, репост, бан, стрим, донат, хейт, фейк, скрин, мем, сторис, чат, наблик, фид* входят в речь не только как готовые существительные, но и как центры разветвлённых словообразовательных рядов. На этой основе возникают глаголы *лайкать, лайкнуть, постить, репостнуть, банить, забанить, разбанить, стримить, донатить, хейтить, скринить, заскринить*; прилагательные *мемный, фейковый, хейтерский*; существительные *лайкер, стример, донатер, репостер*; оценочные и разговорно-сниженные модификации типа *мемас, видос, стримчик*. Существенно, что иноязычная основа в русском языке сравнительно быстро включается в типичные модели с префиксацией и суффиксацией, то есть перестаёт быть изолированным заимствованием и начинает вести себя как словообразовательно активная часть системы.

Показательно, что в русской цифровой речи особенно востребованы глагольные модели, поскольку сама цифровая среда ориентирована на действие: *подписаться, запостить, переслать, закрепить, задизлайкать, отрепортить, замьютить, разлогиниться, заархивировать*. Здесь взаимодействуют три процесса. Во-первых, происходит прямое заимствование основы. Во-вторых, основа морфологически «подтягивается» к привычным русским глагольным формантам, прежде всего к *-ить, -ать, -нуть*. В-третьих, после первичного освоения активизируется русская префиксация: *за-, пере-, от-, раз-, под-, на-, вы-*. Именно эта третья стадия особенно показательна для глубины ассимиляции, поскольку префикс не просто прибавляется механически, а включает новую единицу в аспектуальные и семантические оппозиции русского глагола. Так, *банить — забанить — разбанить* образуют уже не случайную цепочку, а микросистему, функционирующую по русским деривационным правилам. Аналогично ряды *репостить — перепостить — репостнуть* и *логиниться — разлогиниться — перелогиниться* свидетельствуют о способности цифровых англицизмов быстро обрастать морфологическими коррелятами и, следовательно, становиться не внешними вкраплениями, а рабочим материалом словообразования.

При этом цифровая речь в русском языке тяготеет к экспрессии, иронии и языковой игре. Отсюда рост оценочных суффиксальных моделей: *сториска, аватарка, голосовуха, личка, удалёнка, цифра* в значении «цифровая среда», а также нарочито сниженные образования вроде *мемас, кринжовый, токсик, токсичный, хейтерский, душила*,

инфоцыганство. Значительная часть этих слов не ограничивается одной платформой, а перемещается между жанрами: от комментария и чата — к устной разговорной речи, медиатексту и иногда научно-публицистическому описанию. Это движение особенно важно, поскольку свидетельствует о размывании прежней границы между «сетевым жаргоном» и общеупотребительной лексикой. Современные исследования русскоязычного интернет-дискурса прямо ставят вопрос о словарной репрезентации такой лексики, то есть о переходе от узуса к лексикографической фиксации; в этой связи используются корпусные данные и специализированные цифровые неографические ресурсы [5, с. 85–89].

Отдельного внимания заслуживает графико-словообразовательный аспект цифровой коммуникации. В интернет-среде слово часто существует в нескольких графических вариантах, и эта вариативность сама становится частью деривационного процесса: *youtube / ютуб — ютубер — ютубный; telegram / телеграм — телега — телеграм-канал; zoom / зум — зумиться — зум-встреча; online / онлайн — онлайн-курс*. Гибридность может проявляться и в сочетании кириллицы с латиницей, и в дефисных конструкциях, и в хештегизации, когда графический знак не просто маркирует техническую функцию, а влияет на восприятие слова как компактной коммуникативной единицы. Здесь особенно заметна тенденция к компрессии: длинные аналитические сочетания сокращаются до ёмких, легко тиражируемых форм, пригодных для повторения, меметизации и визуального распознавания в потоке контента.

Ещё одной важной характеристикой цифровой речи становится ускоренная идиоматизация. Интернет-мемы, игровые реплики, цитаты из блогов, сериалов и стримов в короткие сроки превращаются в устойчивые выражения, иногда практически фразеологического статуса. Современные исследования показывают, что источниками новых частотных разговорных выражений всё чаще выступают онлайн-коммуникация, компьютерные игры, меметическая культура и блогосфера [7, с. 2–3]. Это обстоятельство важно и для словообразовательного анализа, поскольку многие единицы сначала функционируют как цитаты или клише, а затем становятся базой для новых слов и оценочных производных. Таким образом, цифровая среда порождает не только отдельные слова, но и целые зоны деривационной активности вокруг новых культурных сценариев.

Если обратиться к узбекскому языку, то картина оказывается одновременно сходной и типологически иной. Сходство проявляется в том, что цифровая среда столь же интенсивно пополняет лексику новыми единицами, связанными с коммуникационными платформами, интерфейсами, сервисами и цифровыми практиками. Однако способы освоения новых слов в узбекском языке заметно отличаются от русских. Здесь существенно большую роль играют аналитические конструкции, сочетание заимствованной основы со вспомогательными глаголами *qilmoq, etmoq, bermoq, yubormoq, bosmoq*, а также последовательное присоединение агглютинативных аффиксов к уже освоенной или частично освоенной основе. В результате единица может оставаться внешне ближе к исходному англицизму, но синтаксически и словообразовательно включаться в узбекскую модель. Так возникают структуры типа *post qilmoq, blok qilmoq, like bosmoq, skrinshot yubormoq, follow qilish*, которые сосуществуют с более глубоко адаптированными и калькированными образованиями.

Узбекская цифровая лексика развивается на пересечении как минимум трёх потоков: прямого англоязычного влияния, русскоязычного посредничества и собственных терминологических ресурсов. Для современной узбекской терминологии это не новое явление, однако в цифровую эпоху темп таких процессов резко возрастает. В работах по узбекской терминологии отмечается, что терминологическая система развивается как за счёт собственных ресурсов, так и за счёт уместного использования и освоения материала других языков; применительно к интернет-терминологии значительную часть такого словаря составляют заимствования, в том числе из русского и английского языков [8, с. 12].

Существенно и то, что при описании способов образования терминов узбекская традиция специально выделяет морфологические, синтаксические и семантические механизмы, а также роль калькирования и аббревиации. Это даёт основания рассматривать цифровую лексику не как хаотический набор чужих слов, а как закономерную зону современного терминообразования и словообразования.

Типологическая специфика узбекского языка проявляется прежде всего в характере морфологической прозрачности. Если в русском языке освоение англицизма часто ведёт к возникновению целого гнезда с приставочными и суффиксальными вариантами, то в узбекском языке продуктивнее оказывается линейное наращение формантов, присоединяемых к адаптированной или полуадаптированной основе. Это связано с агглютинативным строем языка, при котором словообразовательные и словоизменительные показатели располагаются последовательно и сохраняют относительную формальную автономность. Поэтому цифровой англицизм в узбекской среде может либо оставаться существительным с высокой степенью графико-фонетической узнаваемости, либо входить в аналитическую конструкцию, либо получать словообразовательный суффикс, обеспечивающий его дальнейшую интеграцию. Отсюда характерно сосуществование разных степеней освоенности: рядом могут употребляться собственно узбекское образование, калька, интернациональный термин и гибрид с узбекским служебным компонентом.

В сопоставительном плане особенно важно то, что русский и узбекский языки по-разному «распределяют нагрузку» между словом и словосочетанием. Русский язык чаще стремится свернуть действие в одно слово: *лайкнуть, заблокировать, заскринить, отрепостить*. Узбекский язык заметно чаще допускает аналитическую реализацию того же содержания: *like bosmoq, blok qilish, skrinshot yubormoq* и т. п. Это не означает меньшей словообразовательной активности; напротив, активность просто реализуется в иной типологической форме. Если для русского языка показателем освоения обычно служит способность заимствованной основы образовывать новые производные с участием русских аффиксов, то для узбекского языка не менее важным показателем является способность новой единицы вступать в типичные аналитико-агглютинативные модели и сочетаться с продуктивными формантами. Иначе говоря, русская цифровая неология чаще демонстрирует морфологическую компрессию, узбекская — морфологическую и синтаксическую прозрачность.

Вместе с тем различия не отменяют общих закономерностей. И в русском, и в узбекском языках цифровая коммуникация усиливает позиции англицизмов, повышает продуктивность гибридных образований, активизирует разговорно-экспрессивный регистр и ускоряет движение единицы от профессионально-технической сферы к повседневной речи. В обеих системах новое слово обычно проходит несколько этапов: первичное заимствование, графическую и фонетическую адаптацию, морфологическое освоение, семантическое уточнение, стилистическое распределение и, при благоприятных условиях, лексикографическую фиксацию. Различие заключается в том, что русская система быстрее демонстрирует внутреннее деривационное разветвление, тогда как в узбекской системе дольше сохраняется вариантность между калькой, заимствованием и аналитическим эквивалентом. Для цифровой коммуникации эта вариантность особенно характерна, поскольку сами платформы и интерфейсы транслируют англоязычные модели, а национальные языки адаптируют их с разной степенью интенсивности.

Показателен и вопрос о посредничестве русского языка в узбекской цифровой лексике. В новейших исследованиях IT-терминологии узбекского языка подчёркивается, что значительная часть единиц имеет английское происхождение, но входит в узбекскую систему через русскоязычный канал, что отражается на фонетической и морфологической адаптации. В одном из исследований на материале более 1500 терминологических единиц

за 2019–2024 годы установлено, что английский выступает главным источником заимствований, причём значительная доля терминов попадает в узбекский язык через русское посредничество; среди основных стратегий освоения выделяются прямое заимствование, калькирование и гибридные образования. Эти данные хорошо согласуются с наблюдениями над современной языковой практикой и подтверждают, что для узбекского цифрового словаря особенно характерна многоканальность вхождения новой единицы [10, с. 98].

Не менее существенна и прагматическая сторона словообразовательной динамики. Цифровое словообразование определяется не только номинативной необходимостью, но и требованиями платформенной коммуникации: краткостью, кликабельностью, узнаваемостью, серийностью, меметичностью. Пользователь предпочитает форму, которая легко воспроизводится, быстро считывается, обладает потенциалом для иронического переосмысления и подходит для многократного тиражирования в комментариях, подписях, реакциях и хештегах. Поэтому именно в цифровой среде так продуктивны короткие форматы, усечённые варианты, разговорные суффиксы, гибриды и стилистически сниженные образования. Это относится и к русскому, и к узбекскому материалу, хотя структурные реализации различны. В обоих языках словообразование оказывается тесно связано с цифровой прагматикой: новое слово не просто называет объект, а выполняет идентификационную, оценочную, групповую и нередко игровую функции.

Особую проблему составляет соотношение узуса и нормы. В русском языке новые интернет-единицы уже стали объектом системного лексикографического наблюдения. Исследования русскоязычного интернет-дискурса ставят вопрос о словарной обеспеченности интернет-лексики, а цифровые неографические ресурсы создаются именно для оперативного описания новых слов и выражений актуального момента. Это означает, что русский язык в сфере цифровой неологии постепенно переходит от спонтанной фиксации к институциональному наблюдению и описанию. Для узбекского языка данная задача не менее актуальна. Развитие цифровой экономики и цифровой инфраструктуры в Узбекистане закреплено на уровне государственной стратегии: Указом Президента от 5 октября 2020 года была одобрена стратегия «Raqamli O‘zbekiston — 2030» и утверждены меры по её реализации [11, с. 376–387]. В таком контексте расширение цифровой лексики следует рассматривать не как периферийное явление, а как часть более широкой языковой адаптации общества к новым технологическим условиям.

Сопоставительный анализ позволяет сделать ещё один важный вывод: словообразовательная динамика цифровой эпохи не сводится к «наплыву англицизмов». Гораздо существеннее то, каким образом заимствованная единица становится элементом внутренней системы. В русском языке эта внутренняя переработка чаще всего принимает форму аффиксального разветвления, семантической модификации и стилистического снижения или переосмысления. В узбекском языке чаще проявляются аналитическая интеграция, гибридное сочетание чужой основы с национальными формантами и поиск параллельного национального эквивалента. Отсюда вытекает и разная судьба новых слов: в русском языке они быстрее входят в разговорную общелитературную зону, в узбекском дольше сохраняют терминологическую или платформенно-ситуативную маркированность, хотя и в этом языке наблюдается ускоренное движение цифровой лексики в повседневный узус.

В педагогическом и лексикографическом аспектах данное наблюдение имеет прямое значение. Для русистики и узбекистики важно не просто фиксировать перечни новых единиц, но и описывать продуктивные модели, по которым носитель языка продолжает создавать всё новые образования. В преподавании русского и узбекского языков уже недостаточно ограничиваться констатацией заимствований; необходимо показывать, как цифровая единица входит в словообразовательное гнездо, какие форманты

предпочитает, какие значения и стилистические оттенки приобретает, какие типы синтаксического окружения для неё характерны. Это особенно важно в условиях билингвизма, перевода, медиаобразования и преподавания языков как родных и неродных, поскольку цифровая лексика сегодня является реальной частью языкового опыта учащегося, а не периферийным приложением к «основному» словарю.

Таким образом, словообразовательная динамика современного русского языка в условиях цифровой коммуникации может быть охарактеризована как процесс высокой деривационной мобильности, ускоренной морфологической ассимиляции заимствований, экспрессивного разветвления словообразовательных рядов и активной идиоматизации цифрового опыта. В сопоставлении с узбекским языком обнаруживается, что общая направленность процессов во многом совпадает: оба языка интенсивно осваивают цифровую лексику, испытывают давление англоязычной терминологии и вырабатывают собственные способы её адаптации. Однако русская система чаще реализует этот процесс через компактные аффиксальные модели и быстрое формирование гнезда, тогда как узбекская система в большей степени опирается на аналитические конструкции, агглютинативную прозрачность и сосуществование нескольких номинативных стратегий. Именно поэтому сопоставительное изучение цифрового словообразования в русском и узбекском языках позволяет лучше понять не только текущее состояние обеих систем, но и общие механизмы языковой адаптации к цифровой цивилизации.

Наконец, важно подчеркнуть, что цифровая словообразовательная динамика тесно связана с вопросами языковой идентичности и коммуникативного престижа. Выбор между калькой, прямым заимствованием, гибридной формой и национальным эквивалентом определяется не только системными возможностями языка, но и представлениями говорящих о современности, технологичности, престижности и уместности той или иной формы. Для русского языка в цифровой среде характерно сравнительно свободное принятие англоязычной базы с её последующей внутренней переработкой. В узбекском языке наряду с тем же стремлением к функциональной оперативности заметнее проявляется установка на баланс между международной понятностью термина и возможностями национального языкового ресурса. Поэтому цифровая неология становится чувствительным индикатором не только языковых изменений, но и более широких культурно-коммуникативных процессов, сопровождающих развитие двуязычного и многоязычного цифрового пространства.

С методологической точки зрения сопоставительное описание цифрового словообразования требует учитывать неоднородность материала. В корпус наблюдений входят не только общеязыковые единицы, но и платформенно ограниченные слова, профессионализмы, жаргонизмы, меметические формулы и ситуативные окказионализмы, срок жизни которых может быть весьма непродолжительным. Однако даже кратковременные образования представляют научную ценность, поскольку позволяют увидеть работу продуктивной модели в момент её активизации. Именно цифровая коммуникация делает особенно наглядными переходные стадии между окказиональностью, узуальностью и нормой. Для русского языка это видно по тому, как разовые игровые образования быстро получают типовые русские аффиксы, а для узбекского — по тому, как новая заимствованная база начинает включаться в аналитические конструкции и принимать агглютинативные показатели. Следовательно, объектом анализа должны быть не только уже закреплённые слова, но и динамические ряды вариантов, отражающие сам процесс языковой адаптации.

Отдельного внимания заслуживает орфографическая и графическая адаптация цифровых единиц в сопоставляемых языках. Для русского языка типично быстрое колебание между латинографичным написанием, транслитерированным вариантом и полностью кириллизированной формой, после чего наиболее частотная модель начинает

служить базой для дальнейшего словообразования: *стрим* — *стримить* — *стримерский*, *фейк* — *фейковый*, *чат* — *чатик* — *чатовый*. В узбекском языке графическая вариативность осложняется сосуществованием латинской графики, русскоязычного медийного влияния и разной степенью нормативной закреплённости новых терминов. Поэтому одна и та же цифровая единица может в течение некоторого времени существовать в нескольких графико-фонетических модификациях, причём именно пользовательский узус часто предшествует словарной фиксации. В обоих языках графика становится не второстепенным оформлением, а важным фактором деривационной судьбы слова, поскольку от выбора письма и типа фонетического приближения зависит удобство дальнейшего словообразовательного развёртывания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астапкина Е. С., Баркович А. А. Динамика русскоязычного интернет-дискурса: особенности словарной репрезентации лексики // *Russian Language Studies*. — 2025. — Т. 23, № 1. — С. 97–116. — DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-1-97-116.
2. Бердимуротова С. Словообразовательные способы и особенности употребления неологизмов в узбекском и английском языках в сфере цифровых технологий // *Actual Problems of Humanities and Social Sciences*. — 2024. — Vol. 4, Special Issue 9. — P. 439–444. — DOI: 10.47390/SPR1342V4SI9Y2024N66.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2001. — 304 с.
4. Дадабоев Х. Узбекская терминология. — Ташкент: Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, 2019. — 148 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. 5-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2008. — 328 с.
6. Киселёва К. Л., Козеренко А. Д. «Изи катка», «ван лав», «Добби свободен» и другие частотные разговорные неологизмы: источники и механизмы идиоматизации // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. — 2024. — № 3(41). — С. 170–184. — DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.12.
7. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. — М.: Знак, 2008. — 320 с.
8. Мадусманов К. А. Заимствование как способ пополнения лексического состава узбекского языка в сфере IT-технологий // *Russian Linguistic Bulletin*. — 2025. — № 10(70). — DOI: 10.60797/RULB.2025.70.24.
9. Указ Президента Республики Узбекистан № ПФ-6079 «О мерах по утверждению и эффективной реализации стратегии “Цифровой Узбекистан — 2030”». — 05.10.2020.
10. Ридецкая Ю. С. Неографический цифровой ресурс neolex.iling.spb.ru: поисковые возможности и перспективы развития // *Verba*. — 2024. — № 1(11). — С. 37–47. — DOI: 10.34680/VERBA-2024-1(11)-37-47.
11. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд. — М.: Просвещение, 1972. — 368 с.